

XIII 13 21 Н. Карпов

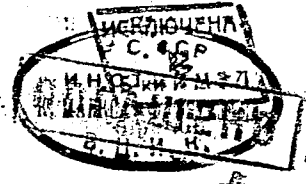
У 292
169

59335-44

ОЧЕРКЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО НА ЗАЩИТУ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЛИТВѢ И НА ВОЛЫНИ *).

292
35

I

Въ 1563 году съ-рубска ливонскаго, тогда театра войны, пришло въ Москву доносеніе, что русское войско разбито поляками подъ Певлемъ и что самъ воевода, намѣстникъ Юрвеа-Дерпта, именитый бояринъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій едва успѣлъ снастись бѣгствомъ отъ побѣдителей.

Грозный царь, безъ того подозрѣвавшій намѣстника «въ умышленіи всякаго лихаго дѣла надъ собою и своимъ семействомъ» имѣлъ теперь еще предлогъ къ обвиненію его въ измѣнѣ: войско русское численностію своею превосходило войско побѣдителей. Но пока онъ обдумывалъ, какъ бы ему «посмирить воеводу», его поразила новая неожиданность. Однажды во время шествія Іоаннъ былъ на Красномъ крыльцѣ остановленъ прибывшимъ въ Москву слугою князя намѣстника Васильемъ Шибановымъ. Изъ привезеннаго письма узналъ царь, что Курбскій ему больше не слуга. Съ бѣшенствомъ и яростію слушалъ онъ чте-

*) Сказанія кн. А. М. Курбскаго, трет. издан. Н. Устрялова. С.-Пб. 1868. Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. 2 тома Кіевъ 1849. Библиографическія Записки, т. I № 12. Опис. рукоп. и катал. книгъ церкви. печ. библиот. А. И. Хлудова сост. А. Поповъ № 60. Москва. 1872. Правосл. Собесѣдн. 1863 г. кн. V—VIII.

ніе письма, налегши на посохъ, предварительно воткнутый желѣзнымъ остріемъ въ ногу несчастнаго вѣстника.

Спасшись отъ гнѣва царскаго въ литовско-польскихъ владѣніяхъ Курбскій горячо упрекалъ Іоанна за сго жестокость и бѣшенство: «зачѣмъ, царь, побилъ ты сильныхъ въ Израиліи и воеводъ отъ Бога тебѣ данныхъ зачѣмъ предалъ лютой смерти?» «Кровь неповинныхъ вопіетъ на тебя къ Богу.» «Напрасно и я молилъ тебя о милости; ничѣмъ, ни слезными рыданіями, ни заступничествомъ архіерейскихъ чиновъ, ничѣмъ не могъ умолить тебя.»

Припомнивъ всѣ свои заслуги и попрекнувъ царя за милость, оказываемую имъ новымъ слугамъ «жрецамъ кроновымъ», онъ рѣшительно объявляетъ ему о намѣреніи своемъ не возвращаться больше «въ землю Божию, отъ которой онъ тунс отогнанъ былъ.» Онъ надѣялся «отъ неваго государя своего, короля Сигизмунда Августа много пожалованъ и утѣшенъ быть отъ всѣхъ скорбей милостию сго государскою.»

Теперь не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію сдѣлка Курбскаго съ польскимъ правительствомъ заранѣе, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія.

Дѣйствительно, король, исполняя данное Курбскому обѣщаніе, наградилъ его за утраченныя имъ въ московскомъ царствѣ помѣстья нѣсколькими селами въ Литвѣ и княжествомъ Ковель на Волыни. Помѣстья даны были ему, какъ королевщина въ пожизненное пользованіе, но онъ не захотѣлъ ограничиться правами «державцы» и распорядился имѣніями, какъ полный собственникъ, раздавая ихъ въ потомственное владѣніе спутникамъ, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшимъ изъ Москвы. Воспитанный въ суровомъ строѣ жизни московскаго государства, гдѣ некогда было «помышлять о сладкихъ трупкахъ съ марцынаны», князь не былъ доволенъ своею жизнію въ новомъ отечествѣ.

«Многогрѣшный я и буряни въ морѣ семъ многомятежномъ волнуемый, паче же отъ потвари и отъ ненависти окрестныхъ стѣсняемый», такъ жалуется онъ въ своихъ письмахъ.

Дѣйствительно, вмѣсто грознаго царя московскаго «христіанскаго предстателя», въ новомъ государѣ своемъ встрѣтилъ онъ слабого старика руководимаго женщицами и любимцами; вмѣсто

бояръ московскихъ и княжатъ, «честно и грозно державшихъ имя великаго князя», машель онъ своевольное магнатство и распунценную шляхту. Корона польская и княжество литовское, хотя и соединенныя униєю, тянули въ разныя стороны; некому было промышлять о ратныхъ дѣлахъ и земскомъ строеніи, некому было стоять противъ бесерменства.

«Его королевская высота и величество», пишетъ Курбскій, «не къ тому обращалось умомъ своимъ, но въ различныя плясанія много и пренесщренныя машкары, а паны, пребогатѣйшіе властели земли той, драгоцѣнныя колачи со безчисленными протеры, гортань и чрево съ марцыпаны натыкающе и якобы въ утлыя дѣлвы дражайшія различныя вина безмѣрнѣ льюще и съ печенѣги (приживалки) вкупе высоко скачуще и воздухъ біюще, только и знали, что хвастаться на пирахъ, говоря, что Москва и Константинополь имъ ни почемъ и что будь хоть на небѣ турокъ не побоятся стацать и оттуда, между тѣмъ, какъ на полѣ битвы со срамомъ поклдали оружіе.» Непріятно поражала Курбскаго картина «одѣтаго въ зброю польскаго пана» спдящаго за столомъ за кубками и балащаго фабулы съ пьяными бабами», какъ называлъ онъ польскыхъ паней. Съ сосѣдями своими «людьми тяжкими и зѣло негостелюбными», онъ не могъ мирно ужиться. «Ненависть окрестныхъ» дошла, наконецъ, до того, что они подали королю жалобу на неприятнаго имъ выходца, на люблинскомъ сеймѣ. Король, выслушавъ жалобу, объявилъ панамъ, что номѣстья даны Курбскому по весьма важнымъ государственнымъ причинамъ. Несмотря на такое заступничество королевской власти, недовольные рѣшеніемъ паны стали расправляться по своему «квалтомъ брать и квалтомъ боронить.» Наѣзды одного пана на владѣнія другаго были тогда установившимся обычаемъ. Курбскому приходилось неразъ защищаться вооруженною рукою. Самъ онъ, впрочемъ, не уступалъ другимъ въ «квалтовности.» Не только съ панами, но и съ королевскими посланцами, пріѣзжавшими объявлять ему волю короля и постановленія чиновъ Рѣчи Посполитой, поступалъ онъ безцеремонно и грубо и неразъ «квалтомъ» выпроваживалъ ихъ изъ своихъ владѣній. Королевская власть ничего не въ состояніи была сдѣлать съ непокорнымъ и, большею частію, оставляла такіа дѣла безъ послѣдствій.

Самыя понятія, привычки польскаго общества поражали Курбскаго.

«Милый пане Базилій!» пишеть онъ напр. пану Древинскому, писарю и секретарю его королевской милости: «ты поздравляешь меня въ письмѣ твоємъ съ новымъ годомъ. Прилично ли нарочитому и ученому челоувѣку такъ глумиться и ругаться? Образумься, перекрестись и прокляни діавола. Не срами меня впередь такимъ поздравленіемъ, вѣдь роки и времена служатъ челоувѣку, какъ же могутъ они, не имѣя сами въ себѣ силы, дать здоровье поздравляемому?»

Къ недовольству жизнью общественною присоединилось еще сильное неудовольствіе семейное. Покинувъ въ московскомъ царствѣ жену и сына, Курбскій, вскорѣ по прибытіи въ Литву, женился во второй разъ.

Супруга его, богатая и знатная вдова Марья Юрьевна Козинская доставила ему обширныя связи. Черезъ бракъ съ нею онъ вступалъ въ родство съ лучшими и древнѣйшими фамиліями литовско-русскихъ магнатовъ, съ князьями Сангушками, Збаражскими, Соколинскими, Полубенскими и Сопегами, съ Монголтами и Воловичами. Но семейная жизнь польскаго пана слишкомъ далеко расходилась съ идеалами Домостроя, этой основой семейной жизни въ московскомъ царствѣ. Дико было московскому боярину, привыкшему къ строго замкнутому образу жизни, собразоваться съ требованіями новаго общества. Немудрено, поэтому, что Курбскому не разъ приходилось отвѣчать на судѣ по обвиненію въ томъ, что онъ «жену не водлугъ стану ховаль, бои, мордерство и окрутенство ей чинилъ», хотя, быть можетъ, онъ только «вѣжливиенько стегалъ ее плеткой.» Лѣтъ пять прожили супруги въ согласіи, но на шестой годъ начались раздоры. Князю донесли, что супругу его видѣли однажды, во время его болѣзни, въ объятіяхъ княжескаго камердинера Ждана Мироновича. Князь не вытерпѣлъ и рѣшился развестись, не желая «въ малженствѣ мѣшкагъ съ такою зрадинцею.» Развестись, при слабости духовной власти, было тогда не трудно, но едва успѣлъ Курбскій опять жениться на молодой, но небогатой и незнатной дѣвушкѣ Александрѣ Петровнѣ Семашко, какъ старая княгиня подала королю жалобу

на неправильность развода. Король, не признавъ этого дѣла себѣ подсуднымъ, передалъ его на разсмотрѣніе духовнаго митрополитскаго суда. Согласно съ рѣшеніемъ митрополита, стороны покончили дѣло мировою сдѣлкою, на основаніи данныхъ другъ другу записей. Среди всѣхъ непріятностей и нестроений общественныхъ и семейныхъ невольно вспоминалась Курбскому «земля Божія.» Съ глубокою горестію принималъ онъ доходившіе до него слухи о новыхъ казняхъ и истязаніяхъ ближнихъ и родственниковъ, о нестательствахъ новыхъ любимцевъ царскихъ, «новыхъ вѣрниковъ дьяковъ, которые царя кормили половиною, а большую себѣ брали.» Доходили слухи, что эти «отъ блуда зачатые согласники дѣламъ антихриста, которыхъ отцы боярскимъ отцамъ въ холопство не пригожались, теперь, не только владѣли боярскими имѣніями, но и торговали боярскими головами. Мало того самъ царь, среди дѣлъ афродитскихъ и жертвъ кроновыхъ», находилъ время писать «широковѣщательныя и многошумящія эпистолы.» Такъ въ длинномъ цитатами и текстами пересыпанномъ отвѣтѣ на первое письмо Курбскаго Іоаннъ, во всеоружіи исторической логики, доказывалъ измѣннику, что «Россійское самодержавство сами изначала владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи», и что «если царю не повинуются подвластные, то никогда не престанутъ они отъ междоусобной брани, потому что злоба обычна: сама себѣ хапати.» Какими бы бабскими баснями ни казались Курбскому строки Іоанна, однако отвѣчать ему нечего было. Царь далеко не сочувствовалъ идеалу Курбскаго и его товарищей, что бояре—«князья земли.» Нельзя точно также было выставить царю и польское правленіе, столь противное, какъ идеалъ государственной жизни. Нечѣмъ было отразить ядовитую насмѣшку Іоанна, что князь не захотѣлъ быть подъ властію Божіей десницы, а пожелалъ самовольствомъ самовольно жить, и искалъ себѣ такого государя, который ничѣмъ не владѣлъ самъ по себѣ, а былъ лишь худѣйшимъ отъ худѣйшихъ рабовъ, потому что никому не повелѣвалъ, а напротивъ всѣ ему повелѣвали.» Въ такомъ духѣ царь писалъ не одно письмо, а нѣсколько. Кратко отвѣчалъ ему Курбскій, кратко потому, что «не достоинъ мужамъ рыцарскимъ свариться, какъ рабамъ»,— съ краткостію, однако, соединялось и «многое до-

садительство», много личных укоровъ, обвиненій и нападокъ ¹⁾).

Гораздо сильнѣ всякихъ другихъ дѣлъ общественныхъ тревожили Курбскаго дѣла вѣры. Не даромъ ему представлялось московское царство подобіемъ «Вавилона, кипящаго бѣдами и папастыи», не даромъ въ письмѣ къ царю упоминаетъ онъ объ антихристѣ. Истекала седьмая тысяча, наступало апокалипсисомъ предсказанное «число звѣрно.» Какъ сынъ своего вѣка Курбскій вѣрилъ въ скорое пришествіе «богоборца.» Совершавшіяся вокругъ него событія только усиливали эту вѣру.

Если уже въ XV вѣкѣ пограничныя московскіе архіереи замѣчали, что въ Литвѣ происходитъ что-то недоброе и доносили въ Москву «что окаянныя литовскія дѣла прозябли и въ русской землѣ въ отчинѣ великаго князя, отчего бѣда стала земская да печесть государская великая»: то теперь ересь была въ полномъ ходу въ Рѣчи Посполитой. «У насъ», доносилъ папѣ епископъ вратиславскій въ 1525 г. «столько вѣръ и религій, сколько головъ, потому что совѣсть у всѣхъ разнуздалась.»

«Дымится цѣлая Польша, роятся секты, и никто, по примѣру невѣжественнѣйшаго государя, не защищаетъ ульевъ Господнихъ отъ этихъ трутней», писали въ 1566 году кардиналу Гозію, знаменитому поборнику католицизма въ Европѣ, его клеветы изъ Польши.

Дѣйствительно, и Курбскій замѣчалъ, что увлеченные новизною неудержимо ринулись поляки «въ пространнѣй и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и прочихъ сектъ, отринувъ путь Господень.»

---

¹⁾ «Характеръ переписки между Иваномъ и Курбскимъ чисто личный, ничего государственнаго въ ней нѣтъ и наименѣ государственности въ томъ, въ чемъ ее нѣкоторые видѣли.» Такъ выражается, отвергая извѣстное мнѣніе Соловьева, авторъ статьи «о Курбскомъ», недавно напечатанной въ Извѣст. и Учен. Зап. Имп. Каз. Универс. 1873 г. № 4 (іюль—августъ). Но историки новой школы, какъ называетъ авторъ Соловьева и держащихся его мнѣнія, разсматриваютъ цѣлый строй исторической жизни народа и государства, а не до блести отдѣльныхъ лицъ и ихъ беззаконія. Съ этой то точки зрѣнія никакъ не назовешь Курбскаго «гражданиномъ — представителемъ идеи прогресса, воюющимъ противъ тупаго абсолютизма», представителя котораго видитъ авторъ въ Иванѣ IV.

Король, руководимый не выборомъ совѣсти, а человекомъ, который на то время въ дѣлѣ религій больше имѣлъ значенія, чѣмъ все епископы, т. е. наивысшимъ канцлеромъ Николаемъ Чернымъ Радзивилломъ, король колебался въ сомнѣнїи и присутствіемъ своимъ при кальвинскомъ богослуженїи былъ готовъ узаконить новое вѣроученіе. Архіепископъ гнѣзненскій, пріемъ польской церкви, «legatus natus», тайкомъ запершись съ еретиками совѣщался о реформѣ костела въ Польшѣ, объ отдѣленїи его отъ Рима. Епархіальные епископы болѣе занимались своими дѣлами и въ то время, какъ реформаты съ жаромъ распространяли свое ученіе, они строили себѣ новые дворцы.

Сопровожатели короны и княжества, во главѣ которыхъ стояли любимцы слабаго короля Николай Черный и Николай Рыжій Радзивиллы не только открыто исповѣдывали протестантизмъ, но и распространяли его въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и королевщинахъ, выгоня латинскихъ священниковъ изъ ихъ приходоу и поставляя на ихъ мѣсто кальвинскихъ пасторовъ.

Въ Вильнѣ, столицѣ великаго княжества, была выстроена противъ католическаго костела реформатская церковь и «костельное пѣніе стало заглушаться громкими звуками протестантскихъ гимновъ» жаловались католики. «Храмы Господни осквернены», доносилъ въ то же время католическій епископъ въ Вильнѣ Валеріанъ Проташевичъ кардиналу Гозию, «и на ихъ мѣстѣ воздвигнута синагога сатаны.»

Ересь взяла такую силу, что когда Стефанъ Баторій вздумалъ было ограничить ея распространеніе и стѣснить реформатовъ, то раздался сильный протестъ, во главѣ котораго сталъ заслуженный и маститый еретикъ Евстафій Воловичъ, наивысшій канцлеръ литовскій. Стефану Баторію тогда пришлось грамотою подтвердить, что «наука евангелія Сына Божія, справляемая въ костелахъ гелвецкихъ отъ панежскаго набоженства реформованныхъ, должна соблюдаться въ Вильнѣ навѣки непоколебимо.» Если въ литовскомъ княжествѣ такъ сильна была ересь среди католиковъ, то съ неменьшею силою распространялась она среди православныхъ Литвы и Волыни.

«Скверными догматами подуцаема мало не вся Волынь заразилась и испещрѣнная болитъ», жалуется Курбскій. Въ самомъ дѣлѣ, распространяемая здѣсь бѣглыми изъ московскаго государства

монахамъ, осужденнымъ въ Москвѣ за ересь, «наука стародавняя отъ Св. Письма» вербовала себѣ приверженцевъ «средн дѣтокъ языка русскаго.» которые громилъ «Сатану, затмившаго слово святое въ пропасти римскаго и греческаго Вавилона», какъ сказано въ предисловіи къ кальвинскому катихизису, напечатанному въ Несвижѣ Симономъ Буднымъ въ 1562 г. по русскп²).

«Пребогатѣйшіе властелины многого рода презлпшваго покоя дерзнули на такое непреподобіе», говоритъ Курбскій, «а гдѣ начальники произволяютъ, тамъ и всенародства воля несется пли устремляется.» Изъ этихъ словъ видно, что Курбскій распространеніе ереси приписывалъ не движенію народа, а успіамъ пановъ, и онъ не ошибался, какъ увидимъ. Живя ереди людей, «въ ересехъ различныхъ развращенныхъ» онъ не разъ сталкивался съ еретиками.

Такъ въ 1575 году Курбскій былъ на пиру у князя Богуща

---

²) Андрей Венгерскій (Slavonia reformata) въ числѣ трехъ монаховъ называетъ Θεодосія. Этотъ Θεодосій есть не кто иной, какъ Θεодосій Косой, осужденный въ 1555 г. въ Москвѣ за ересь и убѣжавшій въ Литву. Лукашевичъ (Dzieje Koscwuzn. helw. w Litwie) называетъ его распространителемъ протестантизма въ Литвѣ. Зиновій Отенскій, подробно разобравшій ученіе Θεодосія Косаго, говоритъ: „аптхристъ Востокъ весь разврати Бахмитомъ, Западъ же Мартиномъ Нѣмчиномъ, Литву же Косымъ.“ (Зин. отъ Истины Показ., стр. 49). Основываясь на этомъ митр. Евгеній (Сл. Ист. Пис. Дух. чина, стр. 191) признаетъ въ Θεодосіи Венгерскаго Θεодосія Косаго. Филаретъ (Ист. Церкви III, стр. 64 прим. 144) отвергаетъ только починъ въ дѣлѣ распространенія протестанства и не признаетъ Θεодосія кальвинистомъ. Соловьевъ (Ист. Рос. VII, стр. 124) и преосв. Макарій (Ист. Церкви VI, стр. 275 прим. 360) оба говорятъ, согласно свидѣтельству Зиновія, что Косой распространялъ свое ученіе на Литвѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и мнѣніе Руднева (см. Разсуд. о ерес. и раск. Н. Руднева, стр. 127). Костомаровъ въ статьѣ: Великорусскіе религиозные вольнодумцы въ XVI вѣѣ (Истор. мон. и изсл. I, стр. 425) отвергаетъ показаніе Венгерскаго, на томъ основаніи, что годъ пришествія Θεодосія въ Литву показанъ 1552, а Косой не могъ выдти изъ Москвы ранѣе 1555 г. Косой отвергалъ божество Іисуса Христа, а пришедшіе изъ Москвы монахи не представляются у Адріана такого рода еретиками. Замѣчаніе Костомарова опровергается замѣчаніемъ пр. Макарія, что „Венгерскій, основываясь только на успѣхъхъ преданійхъ, могъ легко допустить нѣкоторыя хронологическія и другія источности въ своемъ разсказѣ.“ Относительно втораго пункта можно замѣтить, что точнаго опредѣленія ученій вольнодумцевъ тогда не было, да и быть не могло.

Федоровича Корсцаго, воеводы земли волынской, старосты луцкаго, брославскаго и винницкаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ разорялъ область великолуцкую. Здѣсь въ числѣ приглашенныхъ были и проповѣдники новаго ученія. Особенною горячностію отличались трое—панъ Феодосій, панъ Игнатій, да панъ Кадіанъ Чапличъ Шпановскій.

Первый былъ не иной кто, какъ Феодосій Косой.

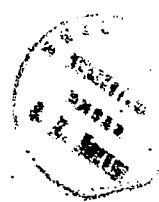
По происхожденію Феодосій былъ «рабъ единого отъ слугъ царевыхъ.» Мужествомъ и разумомъ своимъ улучилъ онъ свободу: обокравъ господина онъ бѣжалъ на Бѣлоозеро въ монастырь, гдѣ и постригся. Но и въ монастырѣ не усидѣлъ онъ спокойно. сталъ учить и собирать слушателей. Про его ученіе узнали, свезли на Москву и засадили въ монастырь. Приласкавшись къ стражѣ его охранявшей, Феодосій бѣжалъ и явился въ Литву. Здѣсь онъ женился на вдовѣ еврейкѣ и сталъ на свободѣ проповѣдывать свое ученіе.

Второй, Игнатій, неизвѣстнаго происхожденія монахъ, былъ его послѣдователемъ и съ нимъ вмѣстѣ бѣжалъ пѣзъ заточенія монастырскаго въ Литву. И онъ, подобно Феодосію, сбросилъ здѣсь съ себя монашескій сапъ и женился.

Послѣдній, панъ Шпановскій, родственникъ хозяина, былъ туземнымъ ихъ послѣдователемъ. Разгоряченные виномъ и разговорами паны не удержались отъ иреій. Особенно спорилъ панъ Чапличъ. Хотя уже онъ былъ не въ молодыхъ лѣтахъ, однако такъ горячился, что не давалъ противнику возражать. Споръ кончился, но не кончился съ нимъ пренія. Желая убѣдить упорнаго князя, ревностный послѣдователь новаго ученія прислалъ Курбскому «широковѣщательную эпистолю съ должайшею экзордією», на которую послѣдовалъ малый сокращенный отвѣтъ князя. Указавъ пану на мутный источникъ «Лютсера псевдопрофита» и туземныхъ его послѣдователей, Курбскій не желаетъ слушать его поученій, держась отцевъ церкви восточной, которые не хотѣли имѣть ничего общаго съ еретиками.

«Герцуй, пане, какъ хочешь, но стремимамъ, у всякаго челоувѣка свой разумъ, а я не привыкъ внимать еретическимъ бреднямъ»: заключаетъ онъ.

Панъ Шпановскій былъ такой челоувѣкъ, которыхъ много можно было встрѣтить въ Рѣчи Посполитой.

Про него могъ сказать Курбскій, что онъ съ товарищи не такъ ради ученій, яко зацныхъ для своихъ наней отринулъ нравовѣріе, отринулъ узкій путь, предпочитая ему путь широкій, «брюхо ласкающій.»

Это и понятно: въ эпоху сильнаго религіознаго броженія, когда, какъ мы видѣли, волновалась вся Рѣчь Посполитая, человѣкъ искалъ выхода изъ тяготившаго его сомнѣнія, изъ нравственнаго нестроенія. Старыя вѣрованія были разрушены, новое ученіе вносило путаницу въ неподготовленные умы, не давая ничего положительнаго. Но сомнѣніе это было извнѣ навѣянное, на немъ не лежало отпечатка той внутренней тяжелой борьбы, которая затрогиваетъ человѣка во всемъ его существѣ и не даетъ ему покоя, до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится, и какъ таковое, сомнѣніе это также быстро исчезло, какъ быстро вошло, не оставивъ почти слѣда. Такіе люди, какъ Чапличъ, «на сѣздахъ, на прахъ съ жартами и шутками, паразитски, съ кубками мальвазін въ рукахъ, вѣщавшіе евангельскія проповѣди, толковавшіе и поносившіе творенія отцевъ церкви, не читавъ ихъ, потому что по гречески и полатыни не разумѣли, а въ переводѣ не всѣ книги есть, а которыя найдутся, такъ и тѣ записаны перенписчиками,»—такіе люди, какъ ихъ характеризуетъ князь Курбскій, естественно не могли остановиться и шли дальше до совершеннаго отрицанія или же возвращались назадъ. То, что происходило съ одною личностію, повторялось и въ цѣломъ народѣ.

«Въ Польшѣ», говоритъ ея историкъ реформаціи, «одни хотѣли ввести лютеранизмъ, другіе ученіе Цвингли и Кальвина, иные вновь ученіе Арія, нѣкоторые думали очистить церковь и создать оторвавъ отъ Рима свою національную, «*kosciot narodowy polski.*» На восточную окраину вышвырнула Европа представитель всякихъ сектъ своихъ. Здѣсь можно было встрѣтить и лютеранъ и цвинглианъ и кальвинистовъ, унитаріевъ, социніанъ, анабаптистовъ, чешскихъ и моравскихъ братьевъ. Папы и католики и православные, если не склонялись прямо къ новому ученію, то смотрѣли на него сквозь пальцы, любили бесѣдовать съ еретиками и повинуюсь общему увлеченію, давали имъ пріютъ въ своихъ замкахъ. Къ числу такихъ принадлежалъ и самъ патронъ русской церкви «гетманъ храбрый и славный, въ пра-

повѣрныхъ догматахъ свѣтлый и во всякомъ благочестіи сіяющий», князь Константинъ Острожскій, воевода кievскій. Въ его домѣ жилъ въ то время ибкто Мотовило, проповѣдникъ аrianизма, писавшій полемическія разсужденія противъ католической церкви. Князь Острожскій вздумалъ послать Курбскому одинъ изъ такихъ трактатовъ. Князь Андрей пришелъ въ негодованіе и письмомъ просилъ пана воеводу не присылать ему ничего подобнаго. «Мнѣ, слугѣ твоему вѣрному и пріятелю присяжному, на что сей въ домѣ гной? Перестань дружитья съ непріятелями и супостатами, уподобься праотцамъ по ревности къ благочестію», писалъ онъ ему.

Поддерживая князя воеводу въ отеческой религіи Курбскій не забылъ и другаго пана, счелъ нужнымъ напомнить и ему, отступнику, о вѣрѣ отцевъ. Панъ этотъ былъ Евстафій Воловичъ, каштелянъ Троцкій, доводившійся родственникомъ Курбскому по женѣ.

«Время бодрствовать и зѣло чуждымъ быть», писалъ онъ ему, «появившіяся на главахъ нашихъ сѣдны указываютъ на приближеніе смерти.» «Смотри, въ какое мы живемъ время, враги нападаютъ со всѣхъ сторонъ, а мы безглавы», т. е. живемъ въ междуцарствіе. «Вонзину Господь напоминаетъ намъ, ожидая нашего обращенія.» Панъ не послушалъ, однако, и умеръ еретикомъ, послѣднимъ еретикомъ знаменитаго дома Воловичей.

Несмотря на быстрѣе и сильное, повидимому, распространеніе въ Рѣчи Посполитой, ересь стала быстро изчезать. Старшее поколѣніе, да и то не въ полномъ составѣ, осталось вѣрно принятому имъ-новому ученію, младшее возвратилось къ вѣрѣ предковъ.

«Польша», могъ съ торжествомъ сказать Гозій, «сохранила свою чистую дѣвственность, не поддавалась соблазну діавола и принятое въ простотѣ отъ предковъ ученіе всегда была готова защищать ревностно.» Католическая дѣвственность массы не была нарушена; протестантизмъ былъ чуждъ польскому народу, не вытекши изъ историческихъ его потребностей, а будучи «со стороны занесенъ купцами, да учащимися юношами, благодаря легкомыслію и жадности до новостей», какъ говоритъ современный историкъ польскій. Паны, и католики и православные, быстро обращались изъ ереси къ церкви. Къ числу такихъ новообращенныхъ принадлежалъ и пріятель Курбскаго панъ Федоръ

Бокей Печихвостскій, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій на Волинѣ. Узнавъ изъ письма пана Федора о его обращеніи, князь Андрей въ двухъ посланіяхъ изъявляетъ ему свою радость и совѣтуетъ твердо держаться отеческихъ догматовъ. Съ церковнымъ ученіемъ и «паказаніемъ» князь тѣсно связываетъ и христіанскую строгую жизнь. Ересь, по его мнѣнію, потому и была сильна, что вмѣстѣ съ разнузданностію совѣсти разнуздывалась и страсти. Поэтому, какъ необходимое добавленіе, онъ совѣтуетъ пану воздерживаться отъ «брюхо ласкающаго» пути.

Между тѣмъ, павшее навремя, католичество успѣло оправиться и съ новою силою принялось за искорененіе еретиковъ, схизматиковъ и диссидентовъ. Епископы, по совѣту Гозія, одинъ за другимъ призывали себя на помощь іезуитовъ. Епископъ виленскій Валеріанъ Проташевичъ, по постоянному кауптула, сталъ искать помощи въ коронѣ, и въ 1570 году открылъ въ Вильнѣ первый, правильно организованный, коллегіумъ іезуитскій, подъ управленіемъ Станислава Варшевицкаго, «ко наукомъ и цвѣченію сыновъ земскихъ», какъ сказано въ королевской грамотѣ. «Честные презвитеры римскаго костела», какъ называетъ Курбскій іезуитовъ, наводнили всю Рѣчь Посполитую своими проповѣдями и сочиненіями, толпами приводили развращенный народъ въ лоно римской церкви и очищали костелы отъ реформованнаго набоженства.

Народъ обращался потому, что не могъ привыкнуть къ новому ученію, силою навязанному паномъ или его подстаростою, а паны обращались потому, что имъ тяжело было отвыкать отъ «злосливыхъ справъ панежскихъ», рѣзко противорѣчившихъ строгому духу протестантства.

Вмѣстѣ съ еретиками іезуиты преслѣдовали и православныхъ схизматиковъ. А церковь православная находилась въ положеніи весьма безотрадномъ. «Епископы велми нерадно и неслушно правили церковію, церкви Божіей и людямъ кривды дѣлали.» Не только правительство польское замѣчало, что «между духовенства греческаго закона блуды и распущенства ся великія дѣютъ» и предписывало ихъ исправить, само православное общество умоляло архіереевъ принять мѣры къ искорененію церковныхъ золъ. «Вси велцѣ утѣснены, плачемъ и скитаемься,

яко овцы пастыря пенмущіе», писали дворяне галицкіе митрополиту Онисфору Дѣвочкѣ, «негодныя въ такой великій санъ епископскій вступаютъ и на столѣ епископскомъ съ женами безъ всякаго стыда живутъ и дѣтей плодятъ. Наставлюся епископовъ много, на одну столицу по два, а затѣмъ и порядокъ сгибъ.» «Въ нынѣшнія времена рыдательныя», горько жалуется проповѣдникъ, «сперва поживетъ человекъ въ мѣрѣ, послужитъ грѣху, а затѣмъ приходитъ будто бы служить Богу. Слугою Божиимъ становится не по достоинству, а похщааетъ санъ святой, ради сребролюбія, не для того, чтобы умножить талантъ Божій, но для того, чтобы возвратитъ себѣ деньги съ двойною и тройною лихвою. Служа здѣсь Христу легко получаютъ то, что не могли получить служа діаволу въ мѣрѣ. Обогащаются они милостынею, а бѣдныхъ и знать не хотятъ, потонули въ сластяхъ міра, окруженные ласкателями и туеядцами они пожираютъ труды нищихъ. Объ остальномъ помолчу и слезами затру! Таковы теперь наши наставники: размножаютъ они не хвалу Божию, а гордыню, не Христу работаютъ, а тщеславію.» Дѣйствительно такою была «шляхетне уроджоная іерархія»: епископы поставлялись вопреки каноническимъ правиламъ, вели жизнь нетрезвую, даже развратную, въ своевольствѣ не уступая свѣтскимъ панамъ; передавали духовныя должности по наслѣдству. «*Jus patronatus*» или говоря языкомъ того времени, «право подаванья костела римскаго и церкви греческихъ», вносило раздоръ въ церковь, перепутывая отношенія, ставя рѣшителямъ церковныхъ вопросовъ людей свѣтскихъ, иногда не принадлежавшихъ церкви и даже жидовъ. Занятая своими собственными дѣлами іерархія смотрѣла сквозь пальцы на отпаденіе православныхъ, не принимая никакихъ мѣръ. Сокращенія православныхъ, и по замѣчанію Курбскаго, происходили «простоты ради и глубокаго неискusstва церковниковъ русскихъ, а не глаголю лѣности для и обжорства епископовъ нашихъ.» За дѣло защиты православія взялись тогда свѣтскіе люди. Къ этому времени относится возникновеніе братствъ во Львовѣ и въ Вильнѣ. Эти-то братства «фундованныя учтивыми людьми мѣщанами закона греческаго», «упривилѣванныя» польскими королями, стояли подъ непосредственнымъ покровительствомъ восточныхъ патріарховъ, считали въ числѣ своихъ членовъ лучшихъ людей того времени, споси-

лись прямо и непосредственно съ государями московски ми князьями валашскими, словомъ перенесли на себя иѣкоторыя права и преимущества іерархіи. Послѣдняя не могла оставаться равнодушною къ умаленію своего вліянія и заводила нескончаемые раздоры.

На сторонѣ братствъ находились и патроны русской церкви и во главѣ ихъ наивысшій патронъ, князь Константиѣ Острожскій.

Его болѣе другіхъ смущали церковныя нестроенія. Съ горестію смотрѣлъ онъ на положеніе православныхъ, угнетаемыхъ не только извнѣ, но и раздраемыхъ внутренними неурядицами. «И отъ чего много размножилось между людьми такое лѣнниство, оспальство и отступленіе отъ вѣры», писалъ онъ, «какъ отъ того главнымъ образомъ, что устали учителя, устали проповѣдники слова Божія, устали науки, устали казанья, а затѣмъ наступило знищенье и уменьшенье хвалы Божіей въ церкви Его, наступилъ голодъ слушанья Слова Божія, наступило затѣмъ отступленье отъ вѣры и закона».

Имя этого Нумы во время мира, и Ромула во время войны пользовалось такимъ уваженіемъ среди русскаго народа, доносили папѣ изъ Польши, «что еслибы онъ обратился въ лоно римской церкви, то увлекъ бы за собою множество народа». Іезуиты не замедлили воспользоваться имъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ искренно желалъ поправить дѣла своей церкви, доставить силу ей іерархіи. Подозрѣвая быть можетъ протестантскія стремленія въ братствахъ, видя радость еретиковъ, привѣтствовавшихъ появленіе «новой секты, что заводится между попами, находящимися подъ панаміи ново-вѣрными, князь воевода прислушивался къ толкамъ и проповѣдямъ іезуитовъ. Чистосердечно желалъ онъ «згоды и единенія съ тріумфующимъ костеломъ», какъ называлъ онъ римскую церковь въ письмѣ къ папѣ, но только съ согласія вселенскихъ патріарховъ и князя великаго московскаго «поразумѣвшись съ духовенствомъ земли его и указавши ему, какое гоненіе, поруганіе народъ здѣшній русскій въ порядкахъ, канонахъ и церемоніяхъ церковныхъ терпитъ». Недаромъ бесѣдовалъ онъ объ униі съ папскимъ легатомъ Антоніемъ Поссевиномъ; теперь со вниманіемъ читалъ онъ разсужденія іезуитскаго златоуста Петра Скарги и недоумѣнія свои, какъ видно, изложилъ въ письмѣ Курбскому, причемъ послалъ

ему и сочиненіе Скарги «противъ ересей греческихъ и русскихъ» съ просьбою прочитати и дати ему отвѣтъ.

Съ негодованіемъ отвергъ Курбскій просьбу пана воеводы и настоятельно потребовалъ, чтобы онъ не знался ни съ іезуитами, ни съ еретиками. «Годится ли тебѣ вельможный и свѣтлѣйшій княжа христіанскій», писалъ онъ ему, «догматовъ слышать и отвѣтовъ просить на іезуитскія фабулы, софизматы по-вапленые? Отъ лѣности все это намъ приключается, нерадѣнія ради прѣчитанія Св. Писанія. Много я стужалъ тебѣ лично, чтобы читалъ ты его часто, хотя и помалу. Объ этомъ и до смерти моей не перестану стужать тебѣ, потому что очень люблю тебѣ». Воевода вздумалъ было оправдаться въ своей милости къ еретикамъ тѣмъ, что онъ держитъ ихъ для противо-дѣйствія іезуитамъ.

Такой поступокъ не былъ одиночнымъ явленіемъ: не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя братства, когда имъ тяжело приходилось отъ іезуитовъ, соединялись «съ ихъ милостями панамъ евангеликами, боронячи вольностей». Курбскій не могъ допустить такой связи съ еретиками уже потому, что церковь православная была ближе къ католичеству, чѣмъ къ сектантамъ. «Въ такую дерзость и стултицію начальники христіанскіе внали», восклицаетъ онъ съ негодованіемъ, «что не только въ домахъ своихъ тѣхъ ядовитыхъ драконовъ питать и содержать не стыдятся, но за помощниковъ и обронителей ихъ себѣ считаютъ»: Іезуиты, какъ мы сказали, явились въ Польшу во всеоружіи схоластики и мистицизма. Проповѣдями и подложными сочиненіями старались они доказать непогрѣшимость папскихъ догматовъ. Въ проповѣдяхъ они, по словамъ Курбскаго, «зѣло искусными силлогизмами поганскихъ философовъ истинѣ евангельской софистицики сопротивляются». Софистицики вооруженный католическій проповѣдникъ могъ все доказать, даже то, почему «Божія Матерь можетъ быть не только мудрою Минервою, но и воинственною Палладою», почему Христу приличнѣе называться Августомъ, а не Цезаремъ и проч. Курбскій хорошо понималъ тактику іезуитовъ, видѣлъ, «что они смѣшавши елокуцію съ діалектическими софизматы и придающе къ тому пронунциацию на правовѣрныхъ обращаютъ, истинну тѣщатся разорить ораторскими штуками, похлѣбующе папѣ своему», видѣлъ также

емущеніе православныхъ, жаловавшихся ему на проски напистовъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ виленскимъ и львовскимъ братствомъ и умолялъ ихъ твердо держаться православія, а главное, не слушать іезуитовъ. Посланія его читались на сходкахъ братскихъ и совѣты его принимались къ исполненію и руководству. «Не ужасайтесь іезуитовъ», писалъ онъ виленскимъ братчикамъ, чрезъ извѣстнаго содержателя виленской русской типографіи Козму Мамонича, «на всѣ острые и ядовитые софизматы уже давно соборне имъ отвѣчено. Если же будемъ простерты лежать въ давно обычномъ пьянствѣ, тогда не только паны іезуиты и пресвитеры римской церкви сильные въ Св. Писаніи, силлогизмамп и софизматы поганскими оболченые, аки бы рысьими шкурамп, могутъ поражать насъ лежащихъ, но и лядаакія звѣрята, т.-е. новоявленнаго глумства исполненные еретки могутъ развлачить насъ каждый въ свою язвину». Зная плохую подготовку православныхъ, сознавая, что трудно бороться съ іезуитами оружіемъ отъ Св. Писанія, не умѣя хорошо владѣть имъ, онъ совѣтовалъ братчикамъ львовскимъ, чрезъ мѣщанина Семена Сѣдлари, личность совершенно намъ неизвѣстную, не ходить часто на ихъ проповѣди, «безъ искусныхъ нашихъ, а главное не спорить съ нимъ», бо зѣло сварливы и упрямы». Главная сила іезуитовъ была въ школѣ. «Школы», по словамъ Мелетія Смотрицкаго, это житницы церкви. Онъ обогащаютъ города, мѣстечки и селенія мудрыми людьми, знающими дьякамъ, ловкими духовникамъ, учеными проповѣдниками». Курбскій хорошо понималъ опасность для дѣтей православныхъ отъ іезуитскаго ученія «въ житницахъ римской церкви», онъ ясно видѣлъ, что іезуиты, «не научивъ дѣтокъ ничему, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе», тѣмъ не менѣе онъ, не обвиняясь посовѣтовалъ вдовѣ князя Чарторижскаго, родственницѣ князей Вишневецкихъ, отдать дѣтей въ виленскій іезуитскій коллегій. Какъ главное основаніе приводилъ онъ примѣръ отцевъ церкви восточной, «которые ѣздили учиться тѣхъ наукъ отъ домовъ своихъ до Аеннъ, къ поганскимъ философамъ, но правости душевныя ни на мѣе отмѣнили, но украсяся благолѣпнѣ по внутреннему челоуѣку, возвратилися ко отечеству, яко корабли великіе со дражайшими корыстями».

Курбскій не былъ противъ іезуитской науки, нѣтъ: «зѣло полезно словесту навикать и дѣйствовать, чтобы обронять правду», къ тому же «все потреба вѣдать да не всему вѣрить», говоритъ онъ. Дѣйствительно, современники его думали соединить іезуитское образованіе съ цѣлостію православія. Такъ другъ и пріятель Курбскаго Василій Загоровскій, каштелянъ браславскій, умирая завѣщалъ отдать дѣтей своихъ «до Вильны, къ іезуитамъ, бо тамъ фалять дѣтямъ добрую науку», и учить ихъ до тѣхъ поръ «пока имъ Богъ милостивый дастъ умаетность досконалую въ латинской наукѣ». Но съ этимъ вмѣстѣ панъ требовалъ, чтобы дѣти его «писма своего русскаго и мовеня русскимъ словы и обычаевъ цѣотливыхъ и покорныхъ русскимъ не забачили, а наибольшей вѣры своей и набожества въ церквахъ греческому закону належныхъ и порядне поставленныхъ, николи, ажъ до смерти своей не отступали».

Не такъ легко однако было іезуитамъ справляться съ православіемъ, какъ справлялись они съ сретиками и протестантами. Братства и паны патроны одинъ передъ другимъ работали на защиту своей вѣры. При братствахъ учреждена была особая должность проповѣдника-дидаскала, на обязанности котораго было пропозносить «казанья, да вси въразумѣють Писаніе Божіе и вси будутъ учимы». Должность официальнаго «дидаскала-казнодѣя» была новымъ, потребностями времени вызваннымъ учрежденіемъ. Проповѣдники въ началѣ держались противоположнаго іезуитскому направленія: «не дшкурсы о непонятныхъ вѣры тайнахъ строцили»; но старались «волѣ и приказаніямъ Божимъ простыхъ и неукныхъ людей учить». Проповѣди эти, извѣстныя подъ названіемъ «Евангелій учительныхъ», составлялись по образцу византійскихъ проповѣдниковъ Филоея и Каллиста. Эти-то сборники, въ которыхъ толковалось иногда, что «королевская властность есть розказывати ведлугъ Бога, и ведлугъ правъ, а сенаторская повинность есть стеречи правъ и вольностей», эти сборники, прикрытые именами византійскихъ святителей, печатались въ различныхъ типографіяхъ, накладомъ и коштомъ пановъ патроновъ. Послѣдніе заводили на свой счетъ типографіи въ своихъ замкахъ, держали при себѣ людей знающихъ, могшихъ спорить съ еретиками. При князѣ Константиѣ Острожскомъ былъ нѣкто Алексѣй, который по словамъ Курб-

скаго, «умѣть и тому искусенъ, яко за ядовитыя плюхавыми словесы и нечистыми глаголы равныя отдавати». Князь Слуцкій имѣлъ при себѣ «юношу свѣтлыхъ обычаевъ навикшаго» Марка Сарыгозина, одновременно съ Курбскимъ бѣжавшаго изъ московскаго царства и извѣстнаго намъ лишь по письму его къ дерптскому намѣстнику боярину Морозову.

Кромѣ типографій, братства заводили школы, въ которыхъ «языка и письма русскаго, латискаго, греческаго и польскаго накладомъ братскимъ дармо учить были повинны». Особенно славилась школа въ Острогѣ, основанная Константиномъ Острожскимъ, въ которой преподавателями были такіе люди, какъ Кирилль Лукарисъ, въ послѣдствіи вселенскій патріархъ и замордованный поляками несчастный протосингелъ Никифоръ. Эти школы, по сознанию самихъ іезуитовъ, сильно поддерживали православіе. Среди такой дѣятельности, когда даже женщины работали на защиту православія, Курбскій не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ. Изъ разобранной переписки его мы видѣли, какъ относился онъ къ дѣлу. Но расточая совѣты и увѣщанія, онъ самъ занимался переводами отцевъ церкви и переправленіемъ ихъ. Поглощенный своими книжными занятіями, онъ почти безвыѣздно жилъ въ своемъ помѣстьѣ Милянвичахъ, гдѣ прѣздка собирались къ нему на обѣды и пиры наны пріятели и сосѣди. Иногда на обѣдѣ присутствовали и іезуиты, съ которыми хозяинъ велъ долгіе и горячіе богословскіе споры. Отдавъ себя на служеніе православію и русской народности въ областяхъ литовско-польскаго государства, онъ оставилъ нѣсколько сочиненій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и должны перейти теперь, предпославъ этому краткій очеркъ его образованія въ Москвѣ и дальнѣйшаго развитія въ Рѣчи Посполитой.

II.

«Благодарю Бога», пишет Курбскій въ письмѣ къ извѣстному уже намъ пану Кадіану Чаплию Шпановскому, «благодарю Бога, что я утвержденъ въ вѣрѣ христіанской благочестивыхъ догматовъ, какъ пророки проповѣдали, какъ уставили отъ Христа принявши апостолы, а не такъ, какъ ваща милость пишетъ: «единымъ писаніемъ», но и «словесы», т. е. преданіемъ. Понявъ сущность Лютерова «самочиннаго ученія», основаннаго на толкованіи Св. Писанія отъ разума, помимо преданія, Курбскій сознательно его отвергаетъ. Иначе и быть не могло: онъ былъ воспитанъ въ «третьемъ Римѣ», въ Москвѣ, гдѣ преданія затмѣвали иногда Св. Писаніе.

Подобно всѣмъ своимъ современникамъ, князь получилъ чисто церковное образованіе, выросъ на часословѣ и псалтири. «Отъ младости нашей», говоритъ онъ про себя, «въ Священныхъ Писаніяхъ научены по силѣ нашей.»

Благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ, онъ былъ однимъ изъ выдающихся книжныхъ людей своего времени. Но большинство этихъ книжныхъ людей состояло изъ начетчиковъ, лучшими представителями которыхъ въ описываемую нами эпоху могутъ безспорно назваться: «словесной премудрости риторъ» Иванъ IV и составитель великихъ Мнней-Четьихъ митрополитъ Макарій. Начетчики, типъ которыхъ живъ до сихъ поръ среди русскаго народа, это люди съ громадными свѣдѣніями, но безъ всякой системы, безъ всякой основной руководящей мысли, это люди буквы по преимуществу. Авторитетность или канонич-

ность писателя опредѣлялась для нихъ только именемъ; въ дальнѣйшія подробности они не входили, не заботились о томъ, насколько соотвѣтствуетъ христіанскому ученію внутреннее содержаніе статьи или книги, подписанной именемъ того или другого учителя церкви. Благоговѣніе къ имени, къ буквѣ помимо содержанія стояло выше всего; вѣра была для нихъ лучшимъ доказательствомъ всего невѣроятнаго. Критика текста ограничивалась только буквою и отступитъ отъ буквы значило въ ересь впасть.

Такому направленію книжниковъ вполне соотвѣтствовала современная литература. Въ ней встрѣчаемъ мы цѣлую массу книгъ духовно-назидательнаго содержанія, извѣстныхъ подъ названіемъ Маргаритовъ, Златоустовъ и Златоструевъ. Это были сборники поученій и словъ Іоанна Златоустаго, не имѣвшіе ничего общаго съ его твореніями, кромѣ подписи. Несмотря на очевидную подложность, книги этого разбора расходились въ большомъ количествѣ, и авторитетъ имени вселенскаго учителя освящалъ множество суевѣрій и уцѣлѣвшихъ еще языческихъ преданій. Вѣра въ имя, въ букву была такъ сильна, что даже отреченныя книги почитались иногда наравнѣ съ каноническими и написанное въ нихъ не возбуждало ни малѣйшаго сомнѣнія въ благочестивыхъ книжникахъ.

Курбскій не могъ, однако, какъ онъ самъ говоритъ, «услаждаться бабскими баснями и растлѣнными словами, отнюдь не свидѣтельствованными отъ священныхъ буквъ.»

Одинъ старецъ Псковскаго Печерскаго монастыря, намъ неизвѣстный, обратился однажды къ Курбскому, а Курбскій жилъ уже въ то время въ Литвѣ, съ вопросомъ насчетъ апокрифическаго Евангелія Никодима. Несмотря на сильное возраженіе, благочестивый старецъ усумнился въ вѣрности доводовъ Курбскаго, и какъ видно, указывалъ ему на важную въ исторіи евангельской личность Никодима, какъ тайнаго друга Христа. «Не тѣмъ противяся чуднымъ мужамъ первое посланіе посла тебѣ», отвѣчаетъ ему на возраженія князь Курбскій, «но противлюся лже-словесникамъ, преобразующимся въ истовыхъ учителей, которые пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесамъ, и скривъ свои имена, да не обличены будутъ, подписуютъ ихъ на святыхъ имена, чтобы писаніе ихъ приималось удобнѣе простыми

и ненаучеными.» Такія «испрепорченныя» и «зансованныя» невѣжественными переписчиками книги, въ которыхъ, говоритъ Курбскій, «нѣкоторые поэты и многіе еретки написали повѣсти и слова нѣкоторыя», а главнымъ образомъ, «преуродивый Іеремія, попь болгарскій», зная славу того учителя, зналъ, что его всѣ любятъ и почитаютъ, подписали титулъ его къ своимъ словамъ, покрывъ имъ свои пмена, чтобы слова эти были лучше приняты ради имени»,—такія книги ставили въ туппкъ мыслящую часть православныхъ, особенно при столкновеніяхъ ихъ съ иновѣрцами. А столкновения эти становились все чаще и чаще, дѣлались неизбежны, съ усиленіемъ и расширеніемъ московскаго государства. «Окаяныя литовскія дѣла» не унимались; напрасно молилъ великаго князя еще Геннадій повгородскій «очистить отъ ереси русскую землю на подобіе того, какъ испанскій король свою землю чистилъ.» Московское государство было со всѣхъ сторонъ открыто для нападенія. Съ востока наступало магометанство, съ «тафлями безбожнаго Бохмита», вызвавшими особое заирещеніе Стоглаваго собора и послужившими однимъ изъ поводовъ къ убіенію митрополита Филиппа. Съ запада наступали «италіаны зловѣрные» съ чистилищемъ и доказательствомъ нехождения Св. Духа и отъ Сына посредствомъ «образовъ геометричныхъ», и «пѣмцы прегордые» съ «Лютеровою прелестью, колесомъ фортуны, зодіями и альманахомъ.» Было надъ чѣмъ призадуматься при такомъ наплывѣ идей и понятій еусевѣрному и невѣжественному обществу, въ пастыри которому поставлялись «мужики, еле могшіе брести по книгѣ».

Ересь шприлась и множилась и самое распространеніе ея служило доказательствомъ зарожденія духа пытливости и критики въ массахъ. Духовенство, между тѣмъ, или безмолвствовало или же ограничивалось предписаніемъ «бѣгать содружества неполезныхъ и вредныхъ людей, не слушать ихъ ученія, браниться съ ними о вѣрѣ и благочестіи, потому что брань лучше мпра, отводящаго отъ Бога.»

При всеобщемъ нестроеніи миръ совѣсти не былъ возможенъ, не была возможна и сколько нибудь равная борьба, потому что самодовольные книжники, гордые сознаниемъ своей правоты и ничѣмъ не тревожимые «слова пророковъ и апостоловъ и святыхъ преподобныхъ учителей въ казнахъ за твердыми эакле

нами положили, украсивъ ихъ кожами красными и золотомъ съ драгоценными камнями», жалуется князь Курбскій. Стали появляться недовольные: «не распознаешь, что митрополитъ и что простой чернецъ, слова отъ него учительнаго нѣтъ ни котораго», негодуешь одинъ. «Обрестъ нечестивые ходять, а наши пастыри устроились безчувственнѣе камней, думая, что довольно съ нихъ того, если самихъ себя возмогутъ снасти», говоритъ другой.

«Дай нѣжнія къ монастырю и его ради муки вѣчныя избудешь я нынѣ таковыя басни, какъ бы пьяныхъ бабъ, смѣху достойныя, слышалъ», повѣствуетъ князь Курбскій. Въ то время, какъ пастыри указывали на монастыри, какъ на исцѣляющее средство, «еретикъ», продолжаетъ Курбскій, «всего болѣе сполчался на слова Іоанна Златоуста и выбравъ изъ русскихъ книгъ (т. е. тѣхъ Златоустовъ, о которыхъ нами выше сказано) словеса развращенныя, носилъ ихъ передъ собою, какъ щиты, и изъ-за нихъ на законъ Христовъ поруганіями и хулами стрѣляли и вѣрныхъ, которые тягались съ ними по невѣдѣнію, какъ бы за слова святыхъ, удобно одолѣвали, какъ безответныхъ и отводили отъ истиннаго пути на свою прелесть.»

«Смѣху достойными баснями» сомнѣніе, само собою разумѣется, не унималось. Стали появляться люди «необычные», вся необычность которыхъ заключалась въ томъ, что они въ противоположность самодовольному міросозерцанію книжниковъ мучились разнаго рода сомнѣніями и вслѣдствіе этого «мно поученья требовали, мно и сами поучали»³⁾.

---

³⁾ Рудневъ въ своемъ: „Разсужденіи о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русск. церкви со времени Владиміра Великаго до Іоанна Грознаго“ съ исключительно церковной точки зрѣнія, приписываетъ появленіе ересей въ описываемую нами эпоху вліянію запада и главнымъ образомъ усматриваетъ вліяніе Социна (см. стр. 132). Вліяніе это является у него чисто внѣшнимъ заимствованіемъ, какъ будто мысль можетъ передаваться механическимъ путемъ отъ одного къ другому. Костомаровъ въ своей статьѣ: „Великорусск. религ. вольнодумцы въ XVI вѣкѣ“, отвергая прямое вліяніе Запада на русскихъ еретиковъ, во всемъ остальномъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Руднева, несмотря на то, что послѣдній писалъ еще въ 1838 г. Приводи выписки изъ подлинныхъ актовъ и документовъ, Костомаровъ вездѣ признаетъ вольнодумцевъ еретиками въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были признаны современными

Начиная съ сомнѣнiя эти люди доходили иногда и до совершеннаго отрицанiя православнаго ученiя, что совершенно понятно, если принять во вниманiе ту недѣятельность и робость мысли, которою отличалось большинство современнаго духовенства. Не забудемъ, что движенiе началось не среди «простыхъ и ненаученыхъ», а среди «старцевъ». Къ числу «необычныхъ людей» того времени принадлежалъ и ѳкто Артемiй. Онъ былъ игуменъ Троице-Сергiева монастыря, вызванный Иоанномъ изъ пустыни. Забѣшанный въ ересь Башкина Артемiй былъ осужденъ соборомъ и сосланъ въ заточенье, «дабы душевредный и богохульный недугъ отъ него не распространялся.» Изъ заточенья онъ бѣжалъ и, какъ видно, остатокъ дней своихъ провелъ внѣ предѣловъ московскаго государства, въ Литвѣ, гдѣ и работалъ на защиту православiя.

иппшниками. Идя послѣдовательно, онъ заключаетъ, что Θεодосiй Косой и Θεодосiй, упоминаемый Венгерскимъ, двѣ совершенно различныя личности, иа томъ основанiи, что Θεодосiй Косой отвергалъ божество Иисуса Христа, а Θεодосiй, о которомъ говоритъ Венгерскiй, не представляется такого рода еретикомъ (см. стр. 427). На это мы замѣтимъ, что ученiе нашихъ вольнодумцевъ не представляетъ ничего систематическаго, цѣльнаго, точно опредѣленнаго. Это не было даже положительное ученiе, а только протестъ ии лучше отрицанiе современныхъ порядковъ, современнаго образа мыслей. Если же оно намъ и представлено обличителями-современниками въ видѣ чего-то систематическаго и стройнаго, то мы не должны забывать, что обличители смотрѣли на вольнодумцевъ глазами византiйскихъ аналогетовъ православiя, чему лучшимъ доказательствомъ служить книга Зиновiя Отенскаго. Мы не должны также забывать, что и сами обвинители не рѣшались называть ихъ прямо еретиками, а пользовались весьма мѣткимъ въ этомъ случаѣ выраженiемъ, называя ихъ „людьми необычными, иио поучающими, иио поученья требующими.“ Если такъ, тогда понятно сжмо собою, что Θεодосiй Косой, какъ человекъ неустановившiйся, весьма легко могъ проповѣдывать на Литвѣ всякое ученiе, мало-мальски подходящее подъ его воззрѣнiя, и вѣтъ ии малѣйшаго сомнѣнiя, что Θεодосiй Косой и Θεодосiй Венгерскаго—одно и то же лицо.

„Во всякомъ случаѣ“, скажемъ словами Θ. И. Буслаева, „исторiя просвѣщенiя заявляетъ только объ умственномъ и литературномъ развитiи, обнаружившемся въ еретикахъ, не касаясь щекотливаго вопроса объ отношенiи ихъ къ исторiи церкви“, тѣмъ болѣе къ исторiи догмата. Ересь явилась, какъ слѣдствие неудовлетвореннаго протеста.

Артемія былъ человѣкъ живой, интересовавшійся не буквою только Св. Писанія, но искавшій выхода изъ возникшихъ въ немъ сомнѣній. Съ этою цѣлію онъ въ бытность свою въ Псковѣ вызывалъ человѣка изъ нѣмцевъ, «способнаго говорить съ нимъ о вѣрѣ книгами, таковъ ли ихъ законъ, какъ нашъ.» Къ этому надо еще прибавить, что онъ не ограничивался чтеніемъ книгъ, которыя были тогда наиболѣе въ ходу. Слушателямъ своимъ и ученикамъ онъ рекомендовалъ для чтенія такую книгу, какъ Шестодневъ Василія Великаго, «книгу наиблѣзшую о естественныхъ вещахъ писанную», говоритъ Курбскій, приводя подлинныя слова Артемія. Выборъ такой книги всего лучше указываетъ на стремленія Артемія. Въ Шестодневѣ, т. е. разсказѣ о шести дняхъ творенія, Василій Великій соединилъ, какъ извѣстно, съ краткимъ изъясненіемъ словъ книги Бытія философія и физическія изслѣдованія природы, доступныя, конечно, для него по времени.

Книга эта вполне могла отвѣчать на запросы пытливаго ума относительно Бога, природы и человѣка и потому большею частію переводилась для новообращенныхъ въ христіанство народовъ. Эта же книга, равно какъ и богословіе Дамаскина, знакомила читателя съ «вышними науками» въ православной формѣ. Поэтому мы не ошибемся, если скажемъ, что чтеніемъ «наиблѣзшей книги» Артемія старался привести въ систему свои свѣдѣнія и тѣмъ самымъ оградиться отъ сомнѣній, отъ возникавшихъ внутри его противорѣчій.

Эти-то необычныя для тогдашняго большинства книжныхъ людей стремленія, при плохой подготовкѣ и совершенномъ незнакомствѣ съ вышними науками дѣйствительно могли сдѣлать изъ него человѣка столь мѣтко и вѣрно названнаго «необычнымъ человѣкомъ, ино поучающимъ, ино поученья требующимъ.»

Представителемъ вышней науки былъ Западъ, разумѣя подъ Западомъ, католичество. Католичество же съ изстаря внушало къ себѣ недовѣріе, вѣковую антипатію, поэтому православные и склонялись неохотно къ наукѣ, смѣшивая ее съ латынствомъ. Уже не говоря о книжникахъ, которые боялись какой бы то ни было новой мысли и которые, по единогласному свидѣтельству двухъ современниковъ, «презрѣли юношей, тщаливыхъ къ наукѣ и хотящимъ познакомиться поближе съ Писаніемъ строго вос-

прещали это, говоря: не читайте книгъ много, и указывая на тѣхъ, которые изступили ума, прибавляли: вотъ этотъ въ книгахъ зашелся, а тотъ въ ересь впалъ»,—не говоря о книжникахъ: люди близко знакомые съ Западомъ предостерегали православныхъ отъ того, что они называли «явленнымъ италианъ глумленіемъ», «презлпшимъ и преушпщреннымъ суесловіемъ». Во главѣ этихъ людей стоялъ маститый старецъ горы Аѳонской подобный Максимъ Грекъ, призванный въ Москву для книжнаго исправленія.

Максимъ Грекъ былъ воспитанникъ западныхъ университетовъ, «навыкшій тайнамъ священной философіи и богословцевъ, а не по череплу точію читавшій», какъ московскіе книжники.

Поселившись въ Москвѣ, познакомившись съ новымъ обществомъ, старецъ иначе взглянулъ на положеніе православныхъ, чѣмъ природные пастыри, и цѣлымъ рядомъ проповѣдей и поученій повелъ борьбу съ «латинствомъ и бесерменствомъ» и доморощеннымъ невѣжествомъ.

То разбивалъ онъ пунктъ за пунктомъ ученіе «вселукаваго и прегордаго пса Моамсеа», доказывая, что этотъ предтеча богоборнаго антихриста—ниже благочестивъ былъ: значала, ниже премудрости и бжгія причастенъ». То ратовалъ онъ противъ католическаго суесловія, которымъ увлекались нѣкоторые изъ православныхъ. «Иди къ училищамъ италійскимъ», говоритъ онъ, и тамъ ты увидишь Аристотеля и Платона по подобію потоковъ текущихъ, наипаче потопляющихъ». «И никакая догма не считается въ нихъ крѣпкою, ни человѣческая, ни божественная, если она не утверждена аристотельскою силлогизмою». Но указывая на злоупотребленія католиковъ наукою, Максимъ Грекъ не могъ не указывать и на ея хорошія стороны. Онъ старался раздѣлить понятія вѣдѣній науки и латинства, которыя сжились вмѣстѣ и не раздѣлялись во мнѣніи православныхъ и считались одинаково опасными. «Добро убо, воистину достолюбно словесъ вѣдѣннхъ вѣдѣніе», говорилъ Максимъ Грекъ наперекоръ московскимъ книжникамъ, но это вѣдѣніе вѣдѣннхъ ограничивалъ онъ «навыченіемъ, еже правѣ глаголати и изощреніемъ разума и очищеніемъ». «Самыя писанія вѣдѣннхъ философовъ и риторовъ велелѣпно воспѣваютьъ величество приносущнаго божественнаго безсмертія», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Заключенный въ монастырь Максимъ Грекъ и въ заточеніи продолжалъ поучать обращающихся къ нему лицъ. А ихъ было не мало среди православныхъ и они просили ученаго старца, чтобы онъ «на добрый навелъ совѣтъ, неразуміе предложилъ на разумъ и томящуюся мысль и изнемогающій умъ, впадшій въ глубину сомнѣнія, добрѣ успокоилъ».

Курбскій съ гордостью называетъ себя ученикомъ «Максима многострадальнаго и Артемія отца». Отсюда становится совершенно понятнымъ то направленіе, которое характеризуетъ его литературную дѣятельность. Уже въ Москвѣ онъ могъ стать чело-вѣкомъ «злѣбснаго претыканія», какъ выражался Иванъ IV про людей, недовольныхъ современными порядками. Въ молодости возбужденное, это «претыканіе» могло только усиливаться и возрастать съ теченіемъ времени. Обстоятельства только благопріятствовали. Чаше и чаще стали раздаваться голоса противъ того, что было оплотомъ для книжниковъ и людей невѣжественныхъ, противъ преданія. «Появилось нынѣ ученіе и многіе похваляютъ нынѣшнее ученіе», такъ рассказывали Зиновію Отенскому пришедшіе къ нему монахи, «потому что ученіе это открыто, а отеческое ученіе закрыто, и того ради чинать отеческое ученіе бесполезно; нынѣшнее ученіе говоритъ, что въ отеческомъ ученіи есть и чело-вѣческія преданія, а Василиій Великій въ своей книгѣ запрещаетъ слѣдовать чело-вѣческому преданію».

Недостаточно было, для подавленія еретическихъ ученій и толковъ, соборныхъ опредѣленій; дабы «смута и ересь въ мірѣ больше не была», «томящаяся мысль и изнемогающій умъ, впадшій въ глубину сомнѣнія», требовали разумнаго исцѣленія. «А его могло дать только знаніе вѣдѣній», на что указывалъ и Максимъ Грекъ.

Если такъ, то намъ станетъ совершенно понятна наивная жалоба боярина того времени, привимающагося за необычный для него трудъ «писателя». Какое началу коснуса, разума нищетою объяту ми сущу, ниже риторски навькшу, ни философіи учену когда, ниже наки софистицію прочетшу», говоритъ онъ жалуясь на свое невѣжество. Бояринъ этотъ, близкій родственникъ Курбскаго, Василиій Тучковъ «свѣтлое око», по наивному замѣчанію лѣтописи, «въ царскихъ домахъ живый и мягкая нося и подру-

жїе законное имѣя», сподобился такой благодати, что написать, «поновивъ и распространивъ», житіе одного изъ русскихъ подвижниковъ Михаила Клопскаго Саллоса. Нѣсколько разъ принимался онъ за трудъ и нѣсколько разъ «пometалъ трость», отъказываясь отъ начинанія повѣсти, и кончилъ ее лишь по настоянію архіепископа новгородскаго Макарія. Эта робость дѣйствительно происходила въ немъ отъ наивно выраженнаго сознанія собственнаго невѣжества, а не отъ того, что «языкъ челоувѣческой не въ состояніи похвалить по достоинству святыхъ, житію которыхъ дивились сами ангелы», какъ говорили прежніе писатели.

Бояринъ былъ знакомъ съ книгою о Тройскомъ плѣненіи, въ которой «плетены многія похвалы Еллинамъ отъ Омира и Овидія» и если они «единой ради буйственной храбрости» сподобились такихъ похвалъ, то какихъ похвалъ, говоритъ онъ, достойны святые подвижники! Время уже не позволяло въ такомъ даже обыденномъ литературномъ явленіи, какъ житіе, ограничиваться прежнею формулою, «что святые не требуютъ нашихъ похвалъ или украшенія словесъ» и настойчиво требовало новыхъ знаній.

Подобно своему родственнику боярину-литератору, и Курбскій долженъ былъ сознавать свое невѣжество. Но и въ немъ это сознаніе не пошло бы быть можетъ дальше простаго сожалѣнія, если бы не Польша. Явившись въ Рѣчь Посполитую, столкнувшись лицомъ къ лицу съ тѣмъ невѣдомымъ для него доселѣ міромъ, на который московскіе его наставники могли только нарекать, Курбскій неминуемо долженъ былъ приняться за пополненіе своего образованія.

Мы видѣли, что представляло польское королевство въ это время; поэтому нельзя не допустить, что Курбскій принялся пополнять свое образованіе. Дѣйствительно: «не мало дѣтъ изурялъ я», говоритъ онъ, «уже въ сѣдинахъ со многими трудомъ приучался языку римскому». Латинскимъ языкомъ онъ владѣлъ основательно, доказательствомъ чему служитъ имъ самимъ переведенный и посланный въ назиданіе царю московскому отрывокъ «отъ рѣчи премудраго Цицерона, римскаго наилѣпшаго синклита» и др. переводы.

Знаніе латинскаго языка было ключемъ къ латинской наукѣ

и Курбскій сталъ заниматься ею. «Не мало лѣтъ изнурилъ я», продолжаетъ онъ, «въ грамматическихъ и въ діалектическихъ и въ прочихъ наукахъ пріучался».

Учителемъ его былъ «единный бакаляръ», «юноша зѣло въ писаніяхъ искусный и верха философіи виѣшней достигшій», именемъ «Амброжій». Кто былъ этотъ юноша, съ достовѣрностью сказать не можемъ; основываясь на эпитетѣ, да на близости по времени, мы только можемъ предположить, что это былъ извѣстный переводчикъ хроникъ Мартина Бѣльскаго, переложившій ее въ 1582 или 1584 году на бѣлорусское нарѣчіе, Амброжій Бржежевскій, шляхтичъ литовскій. Подъ руководствомъ юнаго бакаляра принялся Курбскій за изученіе виѣшней философіи, лежавшей въ основѣ латинской средневѣковой науки, философіи Аристотеля «обычайной и необычайной», какъ онъ ее называетъ, т.-е. физики и метафизики: «прочитахъ и разсмотряхъ физическіе и обучахся и навыкохъ еттическихъ», говоритъ онъ про себя.

На Западѣ латинская наука, на которой воспитались средніе вѣка, уже отжила, сокрушенная ударами реформаціи.

Въ Польшѣ, если она замерла на время, то воскресла съ новою силою теперь, какъ орудіе для іезуитской пропаганды. Почему сталъ Курбскій на сторону этой науки, понять не трудно, послѣ того, что нами сказано о его образованіи.

Уже изъ Москвы вынесъ онъ сомнѣніе въ массѣ-преданій, уже тамъ, благодаря своимъ наставникамъ, сталъ человекомъ «злѣбсваго претыканія». Но онъ страшился и не понималъ, какъ всякій человекъ, выходящій въ открытую жизнь изъ цѣлаго ряда преданій и повѣрій болѣе или менѣе важныхъ,—той дерзости разума, которая заявляла свои права среди сектантовъ. Отсюда онъ тѣмъ съ большею силою долженъ былъ склониться къ наукѣ, къ «силлогизмѣ», какъ единственному исходу изъ двухъ противоположныхъ стремленій: разума и слѣпой фанатической вѣры.

«Отъ виѣшнихъ если что намъ можно пріобрѣсти *неотметное*», говоритъ онъ, вторя Максиму Греку, «будемъ искусными купцами, которые собираютъ истовое и чистѣйшее золото, а нечистое отметають». «Да пріимемъ словеса предобрѣйше, боговъ же смѣху достойныхъ и басни чуждыя бросимъ псамъ»,

т.-е. невѣрнымъ и еретикамъ. Что разумѣтъ Курбскій подъ словомъ «неотметное», можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: «Если мы не будемъ прилежно читать и учиться, то не будемъ и разумѣть книгъ нашихъ учителей, потому что они были мудры и искусны, мудро и прекрасно подѣ мѣрами и чинами грамматическими и риторскими философскимъ обычаемъ писали». Итакъ неотметная — вѣдѣнная наука, науки вызволенные (artes liberales), «силлогизма», употребляя любимое выраженіе князя Курбскаго, — вотъ что считалъ онъ неотметнымъ, вотъ что признавалъ онъ необходимымъ для пониманія Св. Писанія, подобно Максиму Греку строго выдѣляя понятіе вѣдѣнной науки изъ понятія латинства. А современное ему православное общество западно-русское страшилось науки. «Довольно съ насъ часослова и псалтири», говорили многіе, даже пастыри церкви Курбскій, подобно князю Острожскому, возмущался невѣжествомъ и горячо упрекалъ духовныхъ. «Они для того возбраняютъ намъ читать Писаніе», говоритъ онъ, «чтобы прелесть ихъ самихъ не открылась и не стала для всѣхъ явною, та прелесть, которою они прельщаютъ души незлобивыхъ, живя, по своему самочинію, вопреки евангельскаго закона и святыхъ седмостолпныхъ правилъ, украшаясь только ризами, но не дѣлами».

Не довольствуясь простымъ указаніемъ пользы вѣдѣнной науки, Курбскій старался доказать ея важность и значеніе историческія. «Простые христіане не знаютъ, что такое вѣдѣнная наука, а многіе ихъ страшатся, говоритъ онъ и переходитъ къ разсказу объ ихъ происхожденіи, изъ котораго всего лучше видно, какъ онъ самъ смотрѣлъ на науку. Вотъ этотъ разсказъ:

«Словесныя науки, которыми Богъ украсилъ человѣка по внутреннему человѣку, описаны вскорѣ по размѣшеніи языковъ, мѣрами-родоначальниками, когда родъ человѣческій сталъ въ скотоподобіе наклоняться.

Науки эти слѣдующія: *Грамматика*, учащая, какъ подобаешь человѣку правильно говорить и какъ правильно писать. *Риторика*, учащая прекрасно и превосходно говорить, иногда вкратцѣ много и разумъ замыкающе, иногда пространно, но и то подѣ мѣрами, не допуская много и велерѣчиво звякать. *Диалектика*, учащая, какъ мѣрами слоги складать, чѣмъ правду и истину отъ лжи и по твари различать. *Естественная философія*

тракующая о всѣхъ естественныхъ бытствахъ, тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ, сколько ихъ отъ Бога въ существе приведено. *Правонаказательная философія*, поучающая правдѣ и разумности, мужеству и цѣломудрію и инымъ добротамъ душевнымъ. *Круга же небеснаго обращенія*, т.-е. благочиніе звѣзднаго теченія—сего радовачальникомъ былъ Снѣгъ, наученный Архангеломъ Михаиломъ (какъ пишетъ Филонъ жидъ), чему и правнукъ его Авраамъ былъ искусенъ, отъ чего онъ и Бога позналъ».

Но убѣждая слушателей въ томъ, что Авраамъ позналъ Бога благодаря своимъ свѣдѣніямъ изъ астрономіи, Курбскій долженъ былъ рѣшить другой, болѣе важный вопросъ. Если наука, какъ явствуетъ изъ вышеприведеннаго разсказа, была достоинствомъ всего человѣчества, то почему не обладалъ ею православный Востокъ, а обладалъ только католическій Западъ? Не служило ли отсутствіе науки на Востокѣ доказательствомъ ея негодности для православія?

Такъ отвѣчалъ на вопросъ Курбскій, ссылаясь на авторитетъ знатока въ этомъ дѣлѣ Максима Грека:

«О тѣхъ словесныхъ наукахъ былъ отъ насъ нѣкогда вопрошенъ Максимъ, были ли онѣ у нихъ въ Греціи? Онъ же отвѣчалъ намъ: не думаю, чтобы онѣ остались цѣлы по разрушеніи царства греческаго; потому что тогда, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій, латинны усиліи достать ихъ у насъ, перевели на свой языкъ и, зависти многія ради, пожгли наши греческія книги, содержавшія лучшія ученія премудрыхъ еллиновъ, т.-е. физику и метафизику и логику.»

Эти наивныя объясненія всего лучше характеризуютъ осторожное и робкое отношеніе ко всякой новизнѣ въ человѣкѣ, привыкшемъ безсознательно, безъ критики относиться къ авторитету, въ человѣкѣ, ищущемъ выхода изъ старой жизни и опасющемся заблудиться на новыхъ неизвѣданныхъ путяхъ, въ силу этого старающемся связать это новое съ старымъ давно извѣстнымъ.

Но за то однажды увѣрившись въ истинѣ новаго пути, Курбскій не только работалъ самъ, но и другихъ побуждалъ къ тому; родственника своего, князя Михаила Оболенскаго убѣдилъ онъ, чтобы тотъ еще въ молодости навѣкъ внѣшнихъ наукъ въ языкѣ римскомъ. Благородный юноша послушалъ его и провелъ три

года въ Краковѣ и затѣмъ для усовершенствованія себя въ наукахъ поѣхалъ въ Италію (до Влохъ) оставивъ жену и дѣтей. Въ Италіи онъ пробылъ около двухъ лѣтъ и возвратился «благодатию Божіею здравъ, въ праотеческомъ благочестіи цѣлъ, какъ корабль, исполненный дражайшихъ корыстей».

Вмѣстѣ съ княземъ Оболенскимъ, московскимъ выходцемъ Маркомъ Сарыгозинымъ, юнымъ бакаляромъ Амброжіемъ, Курбскій составлялъ общество для переводовъ и исправленія духовныхъ книгъ. Одновременно съ ними тѣмъ же дѣломъ занимался и учитель Курбскаго, Артемій, намъ уже извѣстный.

Кромѣ мелкихъ переводовъ Діонисія Ареопагита, Григорія Богослова и друг., о которыхъ Курбскій упоминаетъ, какъ объ отрывкахъ, до насъ дошли: книга Василя Великаго «о Постничествѣ», напечатанная въ острожской типографіи въ 1594 году, книга Іоанна Златоуста «Маргаритъ», напечатанная тамъ же въ 1596 году.

Кромѣ того, мы имѣемъ неизданный переводъ творенія Іоанна Дамаскина съ собственноручными пометками и разными примѣчаніями князя на поляхъ. Сочиненіе Іоанна Дамаскина, какъ и Шестодневъ Василя Великаго, всего болѣе имѣли связи съ вѣдшими науками и Курбскій видимо интересовался этими сочиненіями, какъ лучшимъ кодексомъ православнаго богословія.

Переводилъ ли эти книги князь Курбскій вновь или исправлялъ только, вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ. Вновь переводить не было никакой необходимости, такъ какъ переводы были прежніе, хотя сильно испорченные переносчиками. Что Курбскій былъ знакомъ съ переводомъ книги Василя Великаго «о Постничествѣ», на это указываютъ приводимыя имъ слова Артемія, что *только* это твореніе Василя Великаго переведено на славянскій языкъ. О двухъ другихъ переводахъ мы имѣемъ не менѣе положительныя свѣдѣнія. Такъ приступая къ переводу Маргарита Курбскій говоритъ, что онъ, протолковалъ съ латинскаго въ славянскій языкъ всѣ главы книгъ Златоустовыхъ, чтобы тѣмъ обнаружить сколько Златоустовыхъ словъ переведено въ нашъ славянскій языкъ и сколько еще не переведено.» Еще яснѣе выступаетъ работа Курбскаго изъ его словъ въ предисловіи къ творенію Іоанна Дамаскина: «я нашелъ ее», говоритъ онъ, «не только не хорошо переведенною, но совершен-

но растлѣнною переписчиками, неудобною для пониманія, къ тому же не сполна переведенною. Чтобы быть какъ можно точнѣе и переводить не переведенное точно, а переведенное исправить повѣриѣе, онъ купилъ сочиненіе Дамаскина въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ. «Набыхъ книгу», говоритъ онъ, «грецки по одной странѣ писанную, а на другой странѣ по римски и начахъ исправляти, а чего не было въ нашей словенской, съизнова переводити.»

При переводѣ этой особенно книги ему пришлось пользоваться помощію князя Оболенскаго, собственныхъ знаній не хватало, потому что, говоритъ онъ, «я въ старости только выучился философскимъ искусствамъ, а князь Михайло въ молодыхъ лѣтахъ прошелъ ихъ.»

Славянскій переводъ Дамаскина сдѣланъ былъ еще Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, и дошелъ до насъ въ спискѣ конца XIII вѣка. Но экзархъ выбралъ только нѣкоторыя главы изъ сочиненія Іоанна Дамаскина. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что одинъ изъ списковъ этого перевода былъ въ рукахъ у Курбскаго и его онъ исправилъ и дополнялъ.

Переводилъ Курбскій весьма тщательно «не отыѣвляючи сенсу, ни грамотическаго чину ни въ намѣйшихъ», какъ онъ самъ выражается. Если для перевода трудныхъ мѣстъ съ латинскаго пользовался онъ совѣтами кн. Оболенскаго и Амброжія, то для выправки изложенія на церковно-славянскій языкъ, которому «ни онъ, ни князь Михайло не обыкли въ конецъ», приглашалъ онъ Марка Сарыгозина, приглашалъ онъ именемъ общаго учителя Артемія — отца, «явить любовь къ единоплеменной Россіи, ко всему славянскому языку.» Переводить же книги на западно-русскоо нарѣчіе, на народную молву, что было тогда въ модѣ, онъ ни за что не соглашался.

«Пишешь, ваша милость», отвѣчаетъ онъ на просьбу князя Острожскаго, «чтобы я для лучшаго пониманія далъ перевести книгу на полцизну. Вѣрь мнѣ, ваша милость, еслибы не мало ученыхъ сошлось, которые бы захотѣли склонить чины грамматическіе славянскаго языка и переложить ихъ на «польскую барбарію», они все-таки не смогутъ изложить текстъ въ текстъ не только славянскую или греческую, но даже любимую ихъ латинскую рѣчь. Смыслъ быть можетъ и выйдетъ, но «околичность сложенъ будетъ очень далека.»

Избѣгая польской барбаріи въ своихъ переводахъ и щеголяя ею въ оригинальныхъ своихъ сочиненіяхъ, Курбскій переводилъ и переписывалъ съ крайней осторожностью, и всего больше опасался онъ плохихъ и невѣжественныхъ переписчиковъ. Лучше соглашался онъ «спалить паперъ», уничтожить все написанное, нежели «давать таковое пробовать человѣку нескусному въ наукахъ и нисколько не слѣдующему граматическихкихъ чиповъ.»

«Бога ради», говорилъ онъ друзьямъ, «не давайте нескуснымъ писать философскихъ, но нарочитымъ мужамъ и искуснымъ въ писаніи.» «Если кто переписываетъ книги премудрыхъ мужей, то немного согрѣшивъ, портитъ рѣшительно все.» Тщательность въ отношеніи буквы, буквального перевода, не пзвращала смысла: «смысла я нигдѣ не растлывъ», говоритъ Курбскій, «но остерегался этого съ великимъ трудомъ и прилежаніемъ», чему легко повѣрить при знакомствѣ съ его соотрудниками.

Мало того: дабы «риторски и философски сложенные писма риторски могли быть читаемы, а не калички, т.-е. не такъ, какъ обыкновенно поютъ калики цѣлымъ строемъ у воротъ и подъ окнами», Курбскій составилъ краткое пзясненіе знаковъ препинаія, полное игнорированіе которыхъ переписчиками вносило такую путаницу въ текстъ.

Это «сказаніе о знакахъ книжныхъ» составлено на основаніи греческихъ правилъ употребленія, о чемъ говоритъ и самъ авторъ, находящій, что «и въ греческихъ книгахъ суть таковыя же знаки.»

Кромѣ переводовъ, долженствовавшихъ служить пособіемъ для православныхъ, Курбскій написалъ еще исторію флорентійскаго собора, гдѣ обстоятельно изложилъ проски папистовъ противъ православныхъ для соединенія церквей. Этой исторіей флорентійскаго собора завершается литературная дѣятельность Курбскаго въ Лягвѣ на защиту тѣснимаго тамъ православія.

Но кромѣ этихъ мелкихъ работъ, выдающимся трудомъ, обезсмертившимъ его имя, остается его сочиненіе, посвященное воспоминанію о «землѣ Божіей»: «исторія князя великаго московскаго о дѣлѣ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими.»

Цѣль написанія этой исторіи извѣстна: «того ради славныя и

парочитыя исправленія великихъ мужей отъ мудрыхъ челоуѣковъ исторіями описашася, да ревнують имъ грядущіе роды.»

И надо отдать справедливость Курбскому: онъ употреблялъ все искусство, чтобы представить грознаго врага своего въ самыхъ яркихъ краскахъ, и чтобы въ противность идеалу Юаннова самодержавія провести свой уже отжившій идеалъ, резюмировавшійся въ краткихъ словахъ, что «бояре — князья земли», а не слуги царской власти.

Въ май 1583 года умеръ Курбскій 55 лѣтъ отъ роду въ ковельскомъ своемъ помѣстьѣ. Тринадцать лѣтъ спустя была объявлена унія — «настырями, въ волковъ претворившимися», по выраженію князя Острожскаго.

Знакомые и пріятели Курбскаго — Чапличи, Чарторыйскіе, Корецкіе, сынъ лучшаго его друга «вельможнаго и свѣтлѣйшаго княжати христіанскаго» князь Янушъ Острожскій, наконецъ единственный родной сынъ его князь Николай — Димитрій измѣнили вѣрѣ отцевъ и стали послушными орудіями въ рукахъ іезуитовъ.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ дѣятельность князя Курбскаго на Волыни и въ Литвѣ на защиту православія, мы видѣли, какъ относился онъ къ современному обществу и влѣдствіе чего.

Въ Рѣчь Посполитую явился онъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что «въ каждой странѣ — законъ и отчина, а не приходятъ другъ ко другу, но каждый законъ держится своего обычая», какъ уложили отцы Стоглаваго собора. Въ то же время уже изъ Москвы вынесъ онъ тотъ духъ «злѣйсшаго претыканія», который не позволялъ ему удовлетворяться «бабскими баснями и растлѣнными словесами» московскихъ книжниковъ и который заставлялъ его — въ знаніи, въ наукѣ искать успокоенія

Поэтому то и не пошелъ онъ широкимъ «брюхолоскающимъ» путемъ отрицанія и безвѣрія, предпочитая ему узкій и трудный путь долгой кропотливой работы. Не смотря на преданность Максиму философу, Артемію отцу и старцу князю Вассіану, не смотря на глубокую ненависть къ «злымъ еретикамъ осполіамамъ», «къ презлому и слабостыжательному, лукавства исполненному мнишескому роду», онъ не обинуясь отвѣчалъ на укоризны еретиковъ, указывавшихъ на соблазнительное житіе монаховъ, что «не о такихъ намъ слово, а объ истинныхъ, апостолоподобныхъ епископахъ и монахахъ нестяжательныхъ, ангельское житіе проходящихъ.»

До конца дней своих онъ остался вѣренъ своей церкви, свято чтилъ ея постановленія и преданія и съ глубокою горестію замѣчалъ, что нашими учителями чужіе наслаждаются, а мы «гладомъ духовнымъ тасмъ, на своихъ смотря.»

Изучая чужихъ докторовъ, Курбскій критически относился къ «слогнямъ» ихъ и на первомъ мѣстѣ ставилъ своихъ учителей, отцевъ церкви восточной, и не вдавался самъ ни въ какія тонкости діалектическія или софистическія.

Борьба съ вѣншими возраженіями и внутренними сомнѣніями сдѣлала изъ него человѣка сознательно относившагося къ дѣлу, а не самодовольнаго фанатика, убаюканнаго собственнымъ невѣжествомъ, человѣка, увѣреннаго въ себя самомъ и въ томъ, что онъ говоритъ, а не «хромага есолога», путающагося въ противорѣчійхъ. Отпечатокъ этой увѣренности и въ то же время горячаго отношенія къ дѣлу, сказался на его слогѣ энергическомъ, горячемъ и бурномъ, иногда, глядя по обстоятельствамъ, спешченномъ польскою барбарією, иногда же совершенно чпстымъ отъ нея.

Умеръ Курбскій, но результаты его дѣятельности остались живы. Много повредило панству русскому то, что оно не развило школъ и наукъ посполитыхъ, такъ жаловался православные на недостаточность своихъ школъ. Результатомъ этого было то, что русскіе, не имѣя своихъ наукъ, начали отдавать дѣтей своихъ въ науку римскую, а дѣти вмѣстѣ съ науками римскими принимали и вѣру римскую.

«Учснїе Святыхъ Писаній очень оскудѣло», жаловался митрополитъ Михаилъ Рагоза въ своей окружной грамотѣ, «всего болѣе оскудѣло изученіе словенскаго-россійскаго языка и всѣ люди прсложилсь простому и несовершенному людскому писанію, отчего и впали въ разныя ереси.» Польская барбарія вторгалась постепенно и языкъ церковный «непотребель и испожиточень стался.» За барбарією неминуемо стала вторгаться и силлогизма. Тотъ же митрополитъ Михаилъ Рагоза отлучилъ извѣстнаго братскаго проповѣдника Стефана Зизанія отъ церкви, къ немалому неудовольствію общества, за то, между прочимъ, что онъ «осмѣлился учить людей аргументуючи Свящ. Писаніе только силлогизмою.»

Въ проповѣдяхъ понравились дискурсы іезуитскіе, пошли

96

толкованія въ родѣ того, что «лунатизмъ происходитъ отъ перемѣны фазъ луны, мѣшающей въ тѣлахъ всякую мокрость и загнилую кровь.» Поправилась аллегорія, которая «явно говоритъ одно, а скрытно излагаетъ другое. Силлогизма входила постепенно и привела къ основанію кіево-могилянскій латинскій академіи, противъ которой такъ рѣзко возстали православные жители Кіева, что чуть не утопили ученыхъ монаховъ въ Днѣпрѣ. Академія стала разсадникомъ латинскій науки, благодаря которой стали появляться такія сочиненія, какъ наприм. «Прикладъ до ключа разумѣнія» Іоаннікія Голятовскаго, которыя знакомили православныхъ съ искусственными приемами іезуитовъ и предлагались пастырямъ церкви, какъ одно изъ лучшихъ руководствъ для составленія поученій.»

Впрочемъ силлогизма и латинскія наука завоевали себѣ мѣсто не вдругъ, а постепенно и не безъ борьбы. Были люди въ родѣ Курбскаго, съ сожалѣніемъ замѣчавшіе, что «винница Христова одичала и запустѣла», и съ горячимъ сочувствіемъ относившіеся «къ роду своему Россійскому», и не смотря на сыпавшіяся изъ Москвы и Кіева проклятія, трудившіеся надъ созданіемъ русскій богословскій науки, надъ очищеніемъ православія отъ «постыль» противныхъ церкви.

В. Андреевъ.

(Изданіе редакціи *Православнаго Обозрѣнія*.)

Печатать позволяется. Москва, ноября 11-го дня 1873 г.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

Въ Университетскій типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.